

S.Yu. Bytko

The Issue of Offenders' Correction Possibility

The concept of "prisoners' correction" that is enshrined as a goal of criminal punishment is analyzed. Arguments in favor of the fact that in modern conditions it is impossible are produced. It is proved that the goal of correction cannot be used as the basis for evaluating the effectiveness of criminal punishment.

Key words and word-combinations: criminal punishment, correction of offenders, the effectiveness of criminal punishment.

Анализируется понятие «исправление осужденных», закрепленное в качестве цели уголовного наказания. Приводятся доводы в пользу того, что в современных условиях реализация цели невыполнима. Доказывается, что достижение цели исправления не может быть положено в основу оценки эффективности уголовного наказания.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное наказание, исправление осужденных, эффективность уголовного наказания.

УДК 343.24/.29
ББК 67.408.02*С.Ю. Бытко***К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ**

Любая осмысленная деятельность нуждается в оценке полученных результатов. Не является исключением и уголовно-правовое регулирование. В ст. 2 УК РФ законодатель перечисляет задачи уголовного права по охране целого ряда общественных отношений. Вместе с тем используемый при этом термин «охрана» подразумевает процесс, результаты которого в законе не определяются. По всей видимости, их формулировка является нетривиальной задачей, поскольку к числу желаемых последствий применения закона можно отнести недопущение новых преступлений, искоренение преступности, повышение уровня защищенности граждан, общества и государства от преступных посягательств и т.д. При этом достижение указанных результатов требует разных мер уголовно-правового воздействия.

Самостоятельные цели, то есть желаемый результат, имеет лишь один феномен уголовного права — уголовное наказание, поэтому оценку качества и эффективности уголовно-правового регулирования можно проводить, только на основе данных об их достижении. Здесь подстерегают серьезные трудности, связанные с тем, что для отдельных целей уголовного наказания не представляется возможным сконструировать достаточно простые и объективные критерии их достижения.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК РФ исправление осужденного предполагает формирование у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого обще-

жития и стимулирование правопослушного поведения. В теоретической литературе исправление осужденных в процессе отбывания наказания рассматривается как результат [1, с. 146]. Однако в определении, содержащемся в ч. 1 ст. 9 УК РФ, используются термины, подразумевающие не результат, а процесс. В ином случае употреблялись бы термины «сформированность», а не «формирование», и «исправленность», а не «исправление». По верному замечанию В.Г. Громова, процесс исправления не может являться целью. Достигнуть же можно лишь какого-то результата, например исправленности осужденного [2, с. 57]. Именно в таком ключе используется термин «исправление» в уголовном законодательстве. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 79 УК РФ, если суд приходит к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать наказание условным. К сожалению, в УК РФ не раскрываются признаки, свидетельствующие о достижении этой цели.

В теории права «исправление» понимается как изменение внутренних качеств личности, при котором субъект воздерживается в будущем от совершения преступлений [3, с. 37; 4, с. 114; 5, с. 111]. Вместе с тем способы для выяснения результата отсутствуют, поскольку невозможно узнать, действительно ли осужденный под влиянием наказания изменил свою систему ценностей, переосмыслил поведение или его убеждения и ценности остались прежними. Все, что доступно фиксации и научному анализу, — это поступки человека, которые могут с определенной степенью достоверности свидетельствовать о происшедших изменениях личности. Однако даже в случае возобновления преступной деятельности нельзя однозначно утверждать, что причиной этого стала неэффективность ранее назначенного наказания.

Существует еще несколько обстоятельств, затрудняющих оценку эффективности исправительного воздействия уголовного наказания. В отечественной криминологии большинство теоретиков рассматривают в качестве причин совершения преступлений деформацию личности, возникающую в результате какого-либо негативного воздействия [6, с. 176–177; 7, с. 100]. При таком подходе установление в качестве одной из целей уголовного наказания исправления преступника представляется понятным и оправданным, поскольку появляются четко определенные цели приложения усилий по исправлению (деформации личности) и способы воздействия (труд, воспитательная работа и т.д.).

Существуют и другие представления о причинах совершения преступлений, которые способны существенно изменить представления о сущности и методах исправительного воздействия. Например, А.А. Рождествина отмечает наличие объективных причин совершения преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда: некоторые межотраслевые правила не прошли регистрацию в Министерстве юстиции РФ, в других случаях имеются коллизии и пробелы в законодательстве и т.д. [8, с. 70–73].

Так, Ю.М. Антонян полагает, что в ряде случаев причиной преступлений являются бессознательные переживания индивида, побуждающие его к совершению противоправных действий [9, с. 110–112]. По мнению правоведа, традиционные формы и методы исправления в отношении таких осужденных неэффективны.

Еще более категоричен Э.А. Поздняков, полагающий, что способность к отклоняющемуся поведению есть норма, соответствующая человеческой природе. Никаких специфических черт личности, присущих только преступникам или наоборот законопослушным гражданам, не существует [10]. Такое мнение заслуживает самого серьезного внимания. Действительно, если бы люди не были склонны к девиациям, то нужна ли была государству столь сложная законодательная система с иерархией запретов и мощный правоохранительный аппарат? Если бы не способность к отклоняющемуся поведению, то могли ли быть созданы выдающиеся произведения искусства, совершены дерзкие научные открытия, переворачивающие мировоззрение современников и требующие категорического отказа от привычных норм?

Предположение Э.А. Позднякова подтверждается огромным числом латентных преступлений и высоким уровнем лиц, совершивших преступление впервые, и ранее не состоявших на профилактических учетах. Во многих частных компаниях признается факт невозможности заранее выявить возможных похитителей и искоренить тем самым хищения. Поэтому появляются управленческие модели, в которых воровство учитывается в качестве одной из констант поведения при оценке доходности компании, поскольку сотрудники компании, занимающиеся хищениями, как правило, более мотивированы в своей деятельности, приносят больше дохода по сравнению с законопослушными работниками [11, с. 32–34]. Если придерживаться точки зрения Э.А. Позднякова, то вопрос о возможности исправления повисает в воздухе, не имея точек приложения в личности преступника.

Еще одно обстоятельство, осложняющее возможность оценки эффективности исправительного воздействия, связано со сложностью прогнозирования поведения человека. Нобелевский лауреат И.Р. Пригожин показал, что до недавнего времени классическая наука изучала в основном линейные системы, параметры которых в любой заданный временной отрезок определяются их предыдущим состоянием. Однако таких систем в наблюдаемом мире подавляющее меньшинство. В большинстве случаев будущее состояние сложных систем прогнозируется лишь в весьма ограниченных пределах. Будучи выведенными из равновесия, в некоторые моменты своего развития они попадают в так называемые точки бифуркации, когда малейшее внешнее воздействие может привести к сколь угодно большому изменению в поведении системы. В такой период никакими средствами нельзя спрогнозировать ее дальнейшее поведение [12, с. 46–57]. Таким образом, предсказательные возможности современной науки по И.Р. Пригожину ограничиваются промежутками между следующими друг за другом точками бифуркации (нестабильности), и заранее предсказать время их появления также невозможно.

Идеи И.Р. Пригожина применимы и к прогнозированию индивидуально-преступного поведения. Обычно криминология рассматривает общество и человека в обществе как в достаточной степени прогнозируемые системы. Имея данные, например о личности, окружении, воспитании, как полагают современные криминологи, можно определить вероятность совершения им в будущем преступления, впрочем, оговаривается, что такое прогнозирование эффективно в стабильные периоды развития общества [13, с. 472].

Несомненно, отсутствие потрясений, кризисов существенно повышает точность криминологических прогнозов, в том числе индивидуальных. Однако современное общество назвать стабильным сложно. Речь идет не только о каких-то глобальных политических и экономических кризисах, хотя их влияние на преступность, очевидно, велико. Но даже на уровне нормативного регулирования по вине законодательной и исполнительной властей периодически происходят мини-кризисы, серьезно дестабилизирующие ситуацию в обществе. Ярким примером является двукратное увеличение в 2013 г. страховых взносов в Пенсионный фонд РФ для индивидуальных предпринимателей [14]. За шесть месяцев, прошедших с момента принятия этого закона, более шестисот тысяч предпринимателей прекратили свою деятельность, поскольку сложились новые размеры страховых взносов неподъемными для своего бизнеса [15]. С криминологической точки зрения подобные управленческие решения могут быть расценены как криминогенные факторы, выталкивающие без всяких на то причин в сферу теневого бизнеса сотни тысяч человек со всеми последующими негативными криминологическими последствиями в виде повышения латентности налоговых преступлений, криминализации бизнеса и т.д.

Примеры подобного рода крайне негативно сказываются на эффективности криминологического прогнозирования, когда невозможно предвидеть возможные кризисы, подрывающие стабильность, внезапно создающие точки бифуркации, когда малейшее внешнее воздействие может привести практически любого законопослушного гражданина к совершению преступления. В жизни любого человека могут неожиданно возникнуть сложнейшие, экстремальные ситуации, при которых дальнейшие действия предпринимаются спонтанно, без обдумывания и анализа возможных последствий, в том числе негативных. Так, упомянутое решение об увеличении пенсионных отчислений, перед многими предпринимателями актуализировало вопрос о необходимости перехода на «нелегальное положение», об осуществлении своей деятельности неофициально, без регистрации и уплаты соответствующих налогов.

И.Р. Пригожин и И. Стенгерс отмечают, что общество — очень сложная система, испытывающая огромное количество бифуркаций, что существенно ограничивает предсказательные возможности наук об обществе [16, с. 276]. На наш взгляд, это утверждение справедливо и по отношению к возможностям прогноза индивидуального поведения.

По-новому воспринимаются полученные криминологами данные о большом количестве спонтанных преступлений. В частности, А.Э. Жалинский и А.А. Герасун считают, что большинство убийств, изнасилований, разбоев и грабежей совершаются внезапно, неожиданно для всех [17, с. 3—10]. Непредсказуемость совершения преступления означает, что виновные не отличались поведением, системой ценностей, убеждениями от основной массы населения. По данным А.Ф. Зелинского, из числа осужденных, отбывающих наказания за тяжкие насильственные преступления, 85% учинили насилие непреднамеренно: 31,2% намерений возникли в момент встречи с потерпевшим; 24% — во время ссоры; 10,8% — в драке; 7% — в ответ на оскорбление, насилие или иные неправомерные действия потерпевших; 12% опрошенных лиц заявили,

что у них вообще не было преступного умысла и что они не могут объяснить, как все получилось; более 2/3 утверждали, и это нашло подтверждение в приговорах судов, что отношения с потерпевшими до начала посягательства были нормальными, а нередко и дружескими [18, с. 52–58].

Приведенные данные свидетельствуют о принципиальной непредсказуемости прогнозирования поведения человека на отдаленную перспективу и заставляют скептически оценивать содержание цели исправления осужденных. Уважительное отношение к труду, обществу, общепринятым нормам поведения, которые должны достигаться в процессе исправления, судя по всему, не гарантируют воздержание субъекта от преступления.

Содержание исправления осужденных, раскрытое в ч. 1 ст. 9 УИК РФ, предполагает приведение убеждений личности, ее системы ценностей к определенной общепринятой норме. Однако в современном российском государстве, в условиях резкого имущественного расслоения общества, сложно говорить о существовании каких-либо общепринятых норм нравственности. Различные группы населения, объединенные общим имущественным положением, отношением к средствам производства, доступом к образованию, здравоохранению, условиям труда и отдыха, вырабатывают специфические групповые нормы нравственности. Как «Способ производства материальной жизни, — отмечал К. Маркс, — обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [19, с. 7].

В российском обществе существует множество линий разделения. Например, сообщество предпринимателей, получающих прибыль за счет использования наемного труда, формирует свою мораль, отличающуюся от морали наемных рабочих (в недавнем прошлом это можно было назвать классовой моралью эксплуататоров и эксплуатируемых, однако сейчас так говорить не принято). При отсутствии стандартов морального и нравственного поведения невозможно говорить и об общей норме взглядов, оценок, убеждений к которой, по мысли законодателя, должно привести осужденного исправительное воздействие уголовного наказания.

Кроме того, в России общество расколото по имущественному признаку. При этом граждане из различных социальных групп имеют качественно отличающиеся возможности по доступу к образованию, здравоохранению, условиям труда и отдыха. Радикально отличаются источники формирования культурных и нравственных ценностей у различных групп населения.

Что понимать в подобной ситуации под деформацией в духовно-нравственной сфере — абсолютно неясно. Является ли нормальной духовно-нравственная сфера олигарха, сколотившего состояние путем махинаций во время приватизации и выступающего в настоящее время столпом общества, политическим деятелем? Можно ли считать нормальным подогреваемое рекламой в официальных СМИ острое желание малоимущего подростка купить престижный смартфон?

Подобных вопросов можно задавать множество, но ответы на них либо отсутствуют, либо их решение не представляется возможным в рамках скла-

дывающейся экономической и политической системы. И это значит, что невозможно сформулировать какой-либо приемлемый стандарт морального и нравственного поведения, охватывающий все стороны жизни граждан, а следовательно, понять, что будет являться деформацией, порождающей преступное поведение. Разумеется, по ряду ключевых вопросов, таких, как недопустимость причинения смерти, вреда здоровью, в обществе исторически существует консенсус (хотя и здесь возможны различные варианты), но речь идет о более широком круге вопросов.

Сформулированное в УИК РФ понятие исправления представляется в некоторой степени наивным, отражающим идеальные представления о должном и резко диссонирующим с окружающей действительностью. Между тем на подобных представлениях в отечественном законодательстве возводится стройная концепция исправления осужденного путем применения к нему мер уголовного и уголовно-исполнительного воздействия.

Таким образом, цель исправления осужденных в отечественном законодательстве не представляется реализуемой, а ее достижение не может быть положено в основу оценки эффективности уголовного наказания.

Библиографический список

1. Гагарин Ю.В. Формирование готовности сотрудников исправительных учреждений к воспитательной работе с осужденными // Правовая культура. 2013. № 2 (15). С. 142–146.
2. Громов В.Г. Об уточнении целей уголовного наказания // Общество. Культура. Преступность. Межвуз. сб. науч. трудов. Саратов, 2006. Вып. 8. С. 56–60.
3. Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962.
4. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание. СПб., 2005.
5. Мальцев В.В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. Волгоград, 2007.
6. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
7. Малков В.Д. Криминология: учебник для вузов. М., 2006.
8. Рождествина А.А. Незнание закона как объективная причина совершения преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда // Правовая культура. 2013. № 1 (14).
9. Антонян Ю.М. Криминология: избранные лекции. М., 2004.
10. Поздняков Э.А. Философия преступления. М., 2001.
11. Мартынов Д. Ворьё моё // Компьютерра. 2008. 2 сент.
12. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
13. Долгова А.И. Криминология. М., 2005.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования: Федер. закон от 3 дек. 2012 г. № 243-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. V). Ст. 6966.
15. Стенограмма встречи Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева с членами Общероссийской общественной организации «Деловая Россия». URL: <http://government.ru/news/2653/>
16. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001.
17. Жалинский А.Э., Герасун А.А. Криминологические аспекты непредумышленных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. № 15.
18. Зелинский А.Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности // Советское государство и право. 1984. № 9.
19. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 13.